

Фото Фарита Губаева

Адель Хаиров

«Щёлк!»

Фарита Губаева

Бывало, гуляешь себе по старым улицам Казани, воздухом дышишь (трухой дерева да мокрой извёсткой) и вдруг где-то сзади – щёлк, щёлк... Оборачиваешься, а это Фарит Губаев своим фотоаппаратом, приросшим к рукам, целится в прошлое... В своё, моё, твоё...

Нескладный, в мешковатой джинсовой куртке, с отросшими сидящими волосами, зачёсанными назад, как у Белинского, и неровной бородкой, он воз-

никал как призрак ниоткуда и воспринимался родным этим угрюмым фасадам особняков с остатками былой роскоши – лепнины, этим притихшим купеческим домам, спрятавшим голову в ржавом платке крыши под отяжелевший от дождей плющ, этим горбатым из-за корней дворикам, где в сараях крысы от тоски грызут друг дружке хвосты...

Накануне «большой ночи бульдозерных ножей», перед самым тысячелети-

ем Казани, когда я пошёл попрощаться с улицами моего детства, Губаев, как дед-боровик, возникал вдруг то слева, то справа. Сопровождал меня. И не понимал он, что я его тоже исподтишка фотографирую, только «щёлкаю» своими узкими глазами. Вместо плёнки у меня — мозги, в которых память всё больше и больше места занимает. Пора уже в книжку сбрасывать.

Щёлк — и старушка, которую забыли забрать внуки в новую девятиэтажку, запечатлена навек. Ещё раз щёлк — и её чёрная кошка поймана шторками объектива. Щёлк — и таких забытых богом старушек образовался уже целый двор! Море печали колыхнется, всхлипывает, причитает. Это всё пассажиры, подумалось мне, идущих ко дну старых деревянных кораблей с тюлевыми занавесками вместо парусов.

Щёлк — Губаев снял девушку в окне, у которой бусы готовы брызнуть соком, как зрелые виноградины.

Щёлк — беззубую добрую алкашню, которая протягивает ему надкусанный пирожок с капустой. И в этом привокзальном пирожке вся простая и нищая Россия видится. Зубы друг другу повыбивали, когда были бычками, зато теперь водке ничто не мешает в глотку вбежать.

Разглядывая в мастерской его снимки, отмечаю про себя, что того двухэтажного купеческого домика уже давно нет, а который рядом с ним стоял — тоже сплыл, как, впрочем, и вся улица с переулком.

Корректоры провалы в тексте называют лакуной. Так и здесь — одна большая лакуна.

На месте двора и столика под американским клёном, под которым те самые алкаши рубрики мятые разглаживали, теперь стеклянный куб (кубышка!) банка стоит. И запахи здесь другие, и люди тоже. Нет больше Володек и Васек с Шакирами. Испарились, как спирт летучий. Их место заняли зубастые, цепкие, знающие цену себе и тебе, а также квадратным метрам в центре города. Всё, какюк пришёл старой Казани!

Фарут Губаев

И мир вокруг меня как бы перевернулся. Стал чужим и лживым.

Включаю телевизор и вижу, как некий гламурный фотограф, который за каждый свой щёлк получает пять сотен евро (сам об этом заявил), выбрал из стайки девушек самую худосочную модель с сосульками волос, окрашенными в свёклу. Намалевал ей под глазом сиреневый фингал и, согнув тельце девушки в три погибели, засунул в круглый аквариум. Стала похожа то ли на неведомую рыбу, то ли на избитую русалку. Ничего пошлее я не видел. Уродство в квадрате! Но, видимо, так подумал один только я, толпа же, окружившая фотографа сразу после фотосессии, восклицала: «Ты — гений!».

Снимки у Губаева достоверны, как реалистическая проза или даже лирическая короткометражка. Всё сценки из нашей жизни: родные поволжские лица, знакомые места, медные, но беззвучные закаты, блеск позолоты на куполах, сумерки подворотен, косые тени умирающих домов и куда-то бредущих людей...

Листаю увесистый альбом, выпущенный к тысячелетию Елабуги. Бенефис Губаева! Застреваю на одной фотографии, там, где на лавочке пригорюнился местный бродяга. Спрашиваю Фарита, как отреагировал на снимок заказчик.

— Я же знаю, как материал надо сдавать, — хитро улыбается он. — В нашей профессии надо быть психологом. Пролитаешь быстренько перед главой администрации книгу с конца, выбирая самые безобидные кадры, и в конце — оп-па! — останавливаешься на его персональном фотопортрете. Это очень важный момент. Кульминация! Собственно, больше ничего и не надо... Конечно, с годами появляется опыт, ходы, приёмчики разные, но я никого не обманиваю, ведь ничего обидного в этом снимке с бомжом нет. Просто это жизнь!

Томясь в предбаннике

— Начальники не сразу к себе пускают, — продолжает фотомастер. — Специально выдерживают в предбаннике, чтобы созрел. А то как-то не совсем интересно получается: пришёл и сразу проник в кабинет. Непорядок! Нужно человека потомить, чтобы он осознал значимость момента. Но я время даром не теряю, я, как разведчик, изучаю обстановку, портреты и живопись рассматриваю. Секретаршу, само собой. Слушаю разговоры входящих-выходящих. И вот когда вхожу в кабинет, в голове уже имеется эскизный психологический портрет заказчика, поэтому мне с ним проще общаться.

Начальники, они ведь очень похожи друг на друга. Один типаж! Часто бывает так: захожу, объясняю цель визита — нужно сделать ваш портрет. Он машинально приводит себя в порядок, потом принимает царственную осанку и умное выражение лица, в одну руку берёт трубку, в другую — авторучку. И выжидательно смотрит на меня. Я говорю: «Извините, мне это не интересно!» Он удивлён, растерян. Как так? Обычно так снимают. Я прошу его вый-

ти из-за стола, снять галстук... Ведь мне не парадный портрет нужен, какие делали для членов Политбюро, а скорее интимный, когда в глаза заглядываешь, а там душа видна...

Правда, бывают приятные исключения. Один директор завода попросил меня снять его на фоне портрета своего кумира. Смотрю, а у него в кабинете напротив Президента висит Высоцкий! Другой чиновник взял в руки какую-то книгу и листает. Я подумал, это что-нибудь официальное, может, Конституция, может, свод законов. И вдруг он говорит: «А знаете, здесь есть такая строка, которая мне покоя не даёт»... И читает мне Есенина! Вот в такой момент откровения человек становится интересен. Он раскрывается.

Но с простыми людьми всё же приятнее работать. Маски на лице у них нет, и довольно живописная физиономия, на которой всё-всё написано. Как в народе говорят, душа нараспашку. Чтобы приблизиться к нему, не надо ломать стену, он уже сам к тебе тянется. Ты можешь выпить с ним водки, обругать матом нашу власть. Ты просто общаешься с ним на одной волне. Я в восторге от таких людей!

Влюблённый фотограф

— Я пытаюсь за что-то зацепиться, найти хотя бы родинку и её обыграть. Самое выразительное — это глаза: усталые, влюблённые, разочарованные, испуганные, с блеском. Я стараюсь найти в человеке некую индивидуальность и влюбиться в неё.

Если же мне человек несимпатичен и чем-то раздражает, то признаюсь ему честно: я вас не буду снимать, потому что нет контакта. На улице бывает, что люди ведут себя агрессивно. В Казани особенно чувствуется напряжение. И меня всегда удивляет, как легко работать на улицах западных городов. Там очень доброжелательная публика, никакой зажатости, настороженности. Говорят же, Париж — город любви. Это правильно...

«Щёлк!» фарита губаева

Парижские этюды. Фото Фарита Губаева

Я не папарацци!

— Когда жил в Москве, мне предложили пойти работать в «Коммерсантъ». Престижная солидная газета, любой фотограф ухватился бы за такое предложение. Захожу к директору. Им оказался приветливый такой американец. Он хорошо знал мои работы, тем не менее попросил пройти тест, иностранцы все на тестах помешаны. Раскладывает передо мной репортажные снимки веером, из которых предлагалось выбрать одну ударную на первую полосу. Я отобрал какую-то, показываю. Американец, разочарованный, тычет в губернатора Санкт-Петербурга Матвиенко и спрашивает, почему эту не выбрал. Пожалуй, это был самый уродливый снимок из всех. Фотограф снял лицо губернатора широкоугольником. Подкрался и в упор «растрелял». Улыбка вышла лошадиная, огромный рот с оскалом, двойной подбородок. Искажение жуткое! Я пытаюсь объяснить, что не в моих правилах унижать человека, тем более женщину. Американец бросил мне вдогонку: «Ты гуманист! Мне очень жаль...».

Потом я встречался с фотографами, которые, проработав в этой газете какое-то время, всё же уходили, их не останавливали ни высокие гонорары, ни престижность. Они признавались, что с них требовали, чтобы съёмка лица производилась обязательно с нижней точки, только тогда появляется тройной подбородок, ноздри увеличиваются, как у лошади, а рот угрожающе скалит зубы.

Самый «шик» поймать, как человек ковыряется в носу, зевает или чешется. За такой кадр платили больше... Стиль папарацци для меня неприемлем. Это не моё. Я не подкарауливаю того, кого пришёл снимать. Не ловлю его в тёмном закоулке. Я говорю, смотрите в камеру и улыбайтесь!

Как хороши, как свежи были розы

— Не знаю, чем это можно объяснить, но лица на фотографиях, сделанных мастерами до революции, как-то необычно светятся. Поначалу я думал, всё дело в серебре, которое использовалось в фотобумаге, но здесь другое. Может быть, это свет души. Разглядываю галерею фотопортретов казанцев, елабужан, чистопольцев... и восхищаюсь!

Вот подтянутый поручик с молодыми первыми усиками, руку в белой лайковой перчатке сунул за борт своего кителя а-ля Бонапарт; рота юнкеров в новеньких, только что выданных, шинельках, сверкают пуговицами и кокардами; грузное купеческое семейство (только самовара не хватает!) расселось вокруг грозного главы, а у того борода лопатой, чтобы деньги грести, а глаза горят, как огни колёсного парохода на Волге; семья мещан в обнимку со своим чадом, которое поступило в Императорский университет на юридический; крестьяне в тулупах да валенках, смотрят уверенно и всем своим видом говорят: «Мы не лыком шиты!».

Удивительные лица и персонажи! В осанке, наклоне головы, положении рук — во всём присутствует некая величавость, чувство собственного достоинства, которое, увы, растерял наш современник.

Сам собой родился проект «Ищу женщину». Мне захотелось найти такое же одухотворённое, светящееся изнутри женское лицо, которое я видел на тех старых фотографиях. И вот я, как Диоген, взял фонарь и стал ходить среди бела дня по улицам. Само собой, красивых лиц много. В Казани осо-

бенно. Но ставишь рядом два портрета – один из той эпохи, другой из этой и... разница потрясающая! Мы лишены чего-то главного, как будто бы что-то очень важное оставили ТАМ. Навсегда!

Чем я снимаю

– Через мои руки прошло много камер самых разных брендов – «Смена», «Зенит», «Nikon»... Сейчас у меня «Sony», потому что эта техника позволяет работать с цейсовской оптикой, а лучше её на сегодняшний день нет ничего! Так что прогресс прогрессом, а изобретение, которое было сделано в области обработки линз аж в XIX веке, и сейчас изумляет. Фотографии, сделанные этой оптикой, объёмны благодаря какому-то внутреннему свету и воздуху!

Да, техника шагает вперёд, но только исключительно за счёт повышения комфортности. Девиз производителей: «Возьми камеру в руки, а всё остальное мы сделаем сами!» Вспомнил такую байку: один покупатель, приобретая дорогостоящий фотоаппарат, спрашивает консультанта: «А где здесь кнопка «шедевр»? Но вот чему можно поразиться, так это тому, насколько повысилась чувствительность плёнки. Сегодня я могу снимать чёрную кошку в чёрной комнате! О таком раньше и не мечтали... Знаю, что многие мастера высокого класса, перепробовав всевозможные виды фототехники, всё же возвращаются к старому забытому – к фотографиям большого формата наподобие тех, что делали во всех фотосалонах города. Те, кто не застал то время, могут вспомнить фильм Эльдара Рязанова «Зигзаг удачи». Фотомастер тогда говорил: «Внимание, снимаю! Не моргать!» и вынимал из полированного ящика пластину формата A4, которую уносил в проявочную. Эти снимки не надо увеличивать, поэтому не появлялось «зерно», и у них была великолепная детализация. Конечно, цифровой техникой добиться такого качества невозможно.

«Крива, коса стоит Казань...»

– Теперь у меня есть признание, альбомы, выставки... Я не из тех людей, которые работают в стол. Мне нужен зритель, я хочу получать отдачу, видеть реакцию. Но так было не всегда. В советские годы, когда фотографии мои не публиковались, у меня много накопилось негативов. И вот когда я всё, что пылилось на антресоли, в кладовке по ящикам, выплеснул на одной из своих выставок, то вздохнул с облегчением, как будто сбросил гору с плеч. В моих архивах хранилась чёрно-белая Казань с перенаселёнными людьми и кошками, двориками, которые были гораздо поэтичнее московских, воспетых Окуджавой. Потом в книге отзывов прочитал: «Спасибо за встречу с моей юностью!»

В Казани у меня были свои любимые места: улицы Тельмана, Подлужная, Ульянова, Татарская слобода. Теперь мой город юности стал фантомом. Он почти полностью перекочевал в мои фотографии. Я понимаю, что всё в жизни меняется: люди, дома, города, политические системы и т.д. Это естественный ход событий. Когда-нибудь уйду и я, но останутся мои фотографии, которые потомки так же будут разглядывать, как мы сейчас старинные открытки. Надеюсь...

Яркие впечатления

– Первое детское впечатление – это кино! Я мог часами смотреть на движущуюся картинку, она меня завораживала. Чёрно-белые кинокартины тех лет были с очень грамотной режиссурой. Первый план, второй, третий... Свет! Всё безупречно выстроено, раскадровано. Конечно, об этих тонкостях мастерства я узнал позднее, а тогда просто впитывал жадными глазами. Сразу после школы написал письмо в Москву во ВГИК. Про себя решил, что буду известным кинорежиссёром, никак не меньше. И вдруг получаю вежливый

отказ. Письмо было очень корректным, воспитательным, что ли, и тогда я прозрел. Я сразу как-то успокоился и свой интерес перенёс на фотографию. Я не знал, где учат на фотографа, но кто-то из преподавателей посоветовал идти в журналисты. Тогда эта профессия только входила в моду. В Казани даже появилась улица Журналистов, застроенная новенькими кирпичными «хрущёвками». Так я поступил в Казанский университет на журналистику. Потом променял перо на фотоаппарат, стал фотокорром. Занимаясь фотографией, я одновременно являюсь и режиссёром, и живописцем, и писателем... А одно из последних потрясений произошло со мной в художественной галерее «Хазине», где открылась выставка бурятского скульптора Даши Макдакова. Называется она «Вселенная кочевника». Это было что-то планетарное, без налёта местечковости. Такое ощущение, что художник вырвался из своей юрты и теперь парит над землёй!

Самого главного я ещё не сделал

— У меня нет ощущения, что я взял свою высоту и могу почивать на лаврах. Конечно, есть чувство удовлетворённости от того, что я состоялся как фотограф и многое у меня получается. Есть альбомы, выставки... Но самого главного всё же я ещё не сделал. Я вот на сабантуй каждый год езжу. Коллеги удивляются: чего там снимать? Всё одно и то же! Ну не скажите... Я еду за новыми ощущениями от задора и веселья толпы, от азарта, который исходит от участников. Закат и тот каждый день новый, а человек вообще меняется каждые десять секунд. Всё живое, подвижное: кудрявая тень на асфальте от качающейся ветки, белые девичьи колени, по которым прыгают солнечные зайчики, отражение умытого дождём солн-

ца в луже... Только успевай поймать, иначе уйдёт картинка и не вернётся никогда!

Помню, иду как-то по улице, и вдруг меня взволновал свет, который струился по золотым прядям берёзы. Я — щёлк! Вижу, рыжая девушка навстречу мне шествует, а на шпильки её туфель нанизаны листочки. Я — щёлк! Старик с сучковатой палочкой не удержался и оглянулся ей вслед, даже причмокнул. Щёлк! Радостный и удовлетворённый возвращаюсь в мастерскую, чтобы полюбоваться тем, что удалось «поймать». Открываю камеру — фу-ты ну-ты! — флэшку забыл вставить.

Полёты во сне

— Лечу над Казанью и всё обзораю сверху. Жестяные крыши с кошками, дворики, завешанные бельём, отяжелевшие от цветов яблоневые сады, весёлые шляпки и скучные лысины... Когда прихожу на новый объект, то сразу ищу точку, откуда можно сделать снимки сверху: с дерева, лестницы, чердака...

Сегодня меня приглашают полетать над Чистополем на вертолёте. Думаю, это будут хорошие снимки. Главное — фотоаппарат не выронить!

